

М. Э. РУТ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'374:811.161.1'28
ББК Ш141.12-4+Ш141.12-025.7

МОТИВАЦИОННЫЕ ПАРАДОКСЫ: ЗАМЕТКИ ДИАЛЕКТНОГО ЛЕКСИКОГРАФА

Аннотация. В публикации представлены наблюдения за мотивированностью диалектных лексических единиц, зафиксированных в ходе полевых сборов Топонимической экспедиции Уральского университета. Непосредственным источником материала послужили черновые словарные статьи на букву П Словаря говоров Русского Севера, создаваемого сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета при поддержке РГНФ. Отмечаются случаи утраты мотивационного значения и факты различных типов ремотивации, как сопровождающиеся фонетическими изменениями в слове, так и представляющие собой только семантические модификации. Анализу подвергаются причины указанных явлений, среди которых прежде всего отмечаются подвижки онтологического характера: изменения самих номинируемых реалий или их функций, в результате чего происходит утрата связей с явлениями, обозначаемыми мотивирующими лексемами. Наряду с этим большое значение могут приобретать и собственно лингвистические факторы: утрата или переход в пассивный запас мотивирующих лексем, фонетические изменения, в том числе связанные с финно-угорским субстратным воздействием на систему северно-русских говоров, семантические процессы внутри многозначных слов, факты морфологического опрощения и др. Получению результатов в немалой степени способствуют иллюстративные примеры в составе словарных статей.

Ключевые слова: северно-русские народные говоры, региональная лексикология, региональная лексикография, лексическая семантика, лексическая мотивированность, ремотивация, фонетические изменения, опрощение, финно-угорский субстрат в русском языке.

Обработка полевых материалов при составлении диалектного словаря дает достаточно широкий материал для наблюдений за мотивированностью диалектных лексем. Наличие мотивационных контекстов, равно как и их отсутствие, а также особенности толкования лексем носителями языка позволяют проследить разные этапы утраты мотивированности, с одной стороны, и приобретения новой мотивации, с другой. В данной публикации

представлено несколько этюдов на указанную тему. Используются материалы черновой картотеки Словаря говоров Русского Севера на букву П, работа над которым ведется кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета при поддержке РГНФ.

Поводом для обращения к тем или иным фактам послужило прежде всего зафиксированное фонетическое варьирование, которое манифестирует либо утрату мотивированности, либо приобретение новых мотивировочных связей.

ПАДЕ/НЬЕ – ПОДЕ/НЬЕ

Эти и однокоренные им слова широко распространены на территории Русского Севера для обозначения осадка при взбивании или перетопке масла, ср.:

ПАДЕ/НЬЕ. Осадок, остающийся при взбивании или перетопке масла. Арх: В-Т, Кон, Котл; Влг: В-Уст. *Масло тает – паденье образуется (В-Т, Вознесенское). С падением и колобки пекли, всё, что угодно (В-Т, Ларионовская). Смешают масло да в печь, а на дне паденье – дак это рокша (Кон, Мешково). Паденье масляно тако, как пенка (Котл, М. Уртомаж). Когда масло из носатика выливали, паденье оставалось в носочке (В-Уст, В. Кичуга). Масло топилшь – так паденье, а то, что мешаешь – подпахтанье, пахтус – это то, что сливается (В-Уст, Павшино).*

Ср. также: **ПАДЁ/НКИ.** То же, что **ПАДЕ/НЬЕ.** Арх: Котл. *Падёнки от масла останутся (Котл, Куимиха).* **ПАДЁ/НОК.** То же, что **ПАДЕ/НЬЕ.** Влг: В-Важ. *Падёнок с маслом в пироги ложат, (В-Важ, Спицынская).*

ПОДЕ/НЬЕ. Отходы, остающиеся при перетопке сливочного масла. Арх: Вил, Кон; Влг: Бел, Вож, Кир, Ник, Сямж, У-Куб, Хар. *Масло-то смешаем, в пецьку поставим, оно ужарится, а снизу-то бело оставалось, отходы такие, поденьем звали (Хар, Дитинская). Масло растопят, поденье останется, дак в розульки выливали (Бел, Дресвянка). Когда в пироги поденье вылью, а когды съем (Вож, Мышино). Поденьё хорошо на пироги намазывать (Ник, Филинский Починок). Поденье – оно на дне, и вкус-то кислый такой, не как у масла. Маленькие были, хлебушок в поденье макали – так вкусно (У-Куб, М. Гора).*

Оформление слова позволяет мотивировать его и как производное от глагола *падать* «то, что падает (на дно)», и как приставочное образование от существительного *дно*. Осмысление указанных связей как реальных представлено в контекстах, но не влияет на оформление лексем, ср.: *масло топилшь – сверху пенка, снизу падёнок; а снизу-то бело оставалось, отходы такие, поденьем звали; поденье – оно на дне и а на дне паденье*. Очевидно, бытийная близость понятий «падать» – «вниз» – «дно» допускает двоякую мотивацию лексем. С другой стороны, показательно, что география вариантов достаточно различна.

Разумеется, в тех случаях, когда речь идет о полевых материалах, всегда остается вопрос: насколько адекватно был зафиксирован материал, не является ли появление того или иного варианта фактом языкового сознания собирателей. Однако многочисленность фиксаций говорит в пользу объективности записей.

ПЕЛИ/К – ПИЛИ/К

В северно-русских говорах весьма активно обозначение сделанной на скорую руку берестяной посудинки для питья или сбора ягод, ср.:

ПЕЛИ/К. Берестяной ковшик конусообразной формы. Влг: *Ваш, Кир. Кто куликом, кто пеликом зовёт (Ваш, Остров). Пелик из берёсты сделают, вроде кулька (Кир, Гора). В лесу пелик из берёсты скрутишь и напьёсси (Кир, Исаково). Пелик – кармашек из берёсты, защемят край, который смыкается вместе, берут ягоды, ничего нету-тко (Кир, Петровское).*

ПЕЛИЧО/К. Уменьш.-ласкат. к **ПЕЛИ/К.** Арх: Кон; Влг: *Баб, Бел. Из пеличка красиво пить; из ольшины палочку колешь пополам, зажимаешь кулёк берестяной и черпаешь как ковшиком (Баб, Борисово-Судское). Кто как зовёт, хтопеличком, кто – ковшиком (Баб, Васютино). На покосе пеличок из берёсты свернёшь и пьёшь (Баб, Ельник). Пелицёк – он вроде кружецьки (Бел, Исаково). Пелички делали из берёсты: свернёшь пелечок из скалинки, вроде черпуги-от (Кон, Лычное). Пеличок на покосе делали – стаканчик из берёсты (Баб, Сорка).*

ПИЛИ/К. Небольшой ковшик, сделанный наскоро из свернутого кулечком куса бересты. Арх: Карг, Кон, Нянд; Влг: *Бабуш, Бел., В-Важ, Вож, Кир, Тарн, У-Куб, Хар. Пилик – это тюрочок такой, воду*

пили и ягоды собирали; раньше у каждого родничка пилик был (Карг, Федчино). Пилики прямо в лесу и делали (Бел, Мишино). Берёсто содерут, согнут кулёчком, вичку срежут, раздерут и ставя в расщепы, чтобы скрепить (Вож, Огибалово). Сдерут сколоцьки, сделают как как церпацёк, вот и стоит пилик у родницька (Тарн, Игнатовская). Пилик, где попил, тут и оставил (У-Куб, Давыдовская).

ПИЛИЦА. То же, что **ПИЛИК.** Влг: К-Г, Ник. Пилицу сделают из берёста и попьют (К-Г, Ворова). Конус из берёста скрутим, вицу расслоим, ею скрепим – вода не вытекает из такой пилицы (К-Г, Коркин Дор). На пожне пилицу свернёшь из берестинки, воды попить (Ник, Дворици). Пилица – как поварёнку сделаешь и пьёшь (Ник Чернино).

ПИЛКА. То же, что **ПИЛИК.** Арх: В-Т, Леш, Нянд, Плес, Уст, Холм: Влг: Нюкс, Тарн. Берестянку соймёшь, совьёшь, палку вставляешь – вот пилка (В-Т, Анфимовская). Раньше из береста сворачивали, когда дрова рубили, пилку возьмут и напьются (Леш, Некрасово). Пилки из родников на каждом кусту были (Нянд, Холопья). Тут вон у ручья пилка есь, оставил кто, дак пей (Холм, Кудамсина). Топором затюкнут, скалину сдерут да пилку свернут (Нюкс, Красавино).

ПИЛОТКА. То же, что **ПИЛИК.** Влг: Сямж, Тарн. Пилотку свернут напиток (Тарн, Яринская).

Варьирование *e / и* в приведенных лексемах, как и варьирование *o / a* в предыдущем случае, можно считать объективным в силу многочисленности фиксаций. Учитывая разветвленную семантику указанных лексем (мы сочли возможным не приводить в данной публикации все другие значения) и их распространение, О.В. Мищенко хорошо разработанная гипотеза о прибалтийско-финском происхождении северно-русского *пилик* [Мищенко 2007: 145-150]. Как видно из приведенных иллюстративных примеров, это не отменяет факта несомненной связи в сознании диалектоносителей лексем *пилик* и *пить*. О том же говорит и возможность переноса ударения (*пи/лка*). Возникает необходимость объяснения вариант *пелик*. Разумеется, заимствованный характер лексемы допускает такое варьирование на уровне языка-источника, но видится и возможность объяснения

на собственно русской базе: как явствует из высказываний информантов, важным элементом создания реалии является раздирание надвое (распяливание / распеливание) ветки, которая скрепляет свернутую бересту.

ПОЖОГ – ПОЖОК – ПАЖОК

На практически одной и той же территории встречаются варьируемые обозначения костра, ср.:

ПОЖОГ. 1. То же, что **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Влг: Вож, Ник, Хар. *У нас говорят не костёр, а пожог растопить (Вож, Ракишево). Накалят напожогу и каменья с пожога в чан садят (Ник, Всемирская). Веток наберут, пожог зажгут (Хар, Павшиха).*

2. Раскалённые камни, которые кладут в чан при варке пива. Влг: Ник. *Пожог спускаем в кадцу (Ник, Демино). Чан делают деревянный, солод-от размешивают, туды каменья горячие суют – пожог, спускают сусло, а на сусло хмель кладут и парят над огнём, потом приголовок делают, чтобы пиво-то ходило (Ник, Леунино).* **ПОЖОГ САДИ/ТЬ.** Класть раскалённые камни в чан, где варится пиво. Влг: Ник.

ПОЖО/Г. 1. Костёр. Арх: Карг, Кон, К-Б; Влг: Баб, Бел, Ваш, Вож, Выт, Кад, Кир, У-Куб, Устюж, Хар, Чаг, Череп. *Пожог на покосе сделаешь, от комаров дымом спасаешься (Кон, Скопинская). На улице пожог сделают, пиво всей деревней варят (Баб, Балуево), Пожог станем делать, дак сперва смолону сосну ишем (Выт, Замошье). Пожог разожгут на полосе, руки погриют, однако жнут (Хаар, Панинская). Ну, поставим котелки, а мужики налаживают сучья, вот и стоят кругом пожога этого человек десять (Череп, Слабеево).*

2. Зола, оставшаяся на месте прогоревшего костра. Влг: Сямж, Чаг. *От костра-то пожог осталси (Сямж, Аверинская). Костёр когда прогорит, дак пожог (Чаг, Волунь).*

3. Яма под полом овина, в котором разводят костер для просушки зерна. Влг: Тот.

ПОЖО/К. То же, что **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Влг: Баб, Влгд, Кад. *На пожке можно готовить (Баб, Нижний Колец). На улице накладывают дров, потом каменья, потом ещё дров – вот и пожок, на пожке и сварят (Баб, Тимошино). От пожка*

и загорелось (Кадуи, Куракино). У ночлежника спал, у пожка (Кад, Бор).

ПОЖО/ЧЕК. Уменьш.-ласкат. к **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Влг: Баб. Соседи пожочек сделали, дым идёт (Баб, Занино). На тряси вроде пожочек (Баб, Тимошино).

ПАЖО/К. То же, что **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Арх: Котл; Влг: Баб, У-Куб, Череп. Пажок в той деревне, пиво варят, камни там палят (Котл, Харитоново). Пажок тамока опять развели, хоть бы лес не загорелся (Баб, Аганино). В праздник пажок делали раньше, прыгали девки-то через него (Баб, Афанасово). «Костёр» ведь потом стали звать, а раньше всё «пажок» звали (Баб, Кобелево). А вот бывало на сенокосе пажок и разведём (У-Куб, Телилово). На пажках варили, вколают перекладину и варят (Череп, Алексино).

Исходным вариантом является, без сомнения, *по/жо/г*, чья мотивационная связь с глаголом жечь, пожечь очевидна. Варьирование конечного согласного кажется не вполне понятным, хотя нельзя не отметить, что для северно-русских говоров это не редкость, ср.:

ПО/Г. 1. Под русской печи. Арх: Лен; Влг: Бел, Ваш, В-Уст, Выт, Хар. Хлеб пекли на поту (Ваш, Бонга). На поту раньше пекли калитки, противней-то не было (Выт, Рубцово).

2. Глиняный пол, на котором раскладывали лен для просушки. Влг: Влгд. На поту складывали и две ли, три ли недели сушили (Влгд, Фетинино).

ПОТТО/Н. Подстилка из сучьев и веток, которую кладут под стог, чтобы сено не гнило. Влг: Сямж. Поттон такой накла, что не подгниёт сено (Сямж, Пигалева Горка). Насекут палощек, лапаков хвойных, поттон сделают, чтоб сено не гнило (Сямж, Копылово). Кряжины насекёшь, поттон крес-накрес положишь (Сямж, Гридино). Ср.: также: **ПОДДО/Н.** 1. Настил из веток, служащий основанием для стога. Арх: Пин, Холм; Влг: Сямж, Чаг. Поддон у остожья из хвороста (Пин, Кеврола). Под стог вицы кладут, поддон называется (Сямж, Колбинская). Поддон из прутьев накладёшь, итобы сено не гнило (Чаг, Пучнино).

Складывается впечатление, что в говорах в определенных

случаях не вполне релевантным оказывается разграничение звонкости / глухости согласных. При этом, если в случае с колебанием лексем *под* / *пот* можно говорить о деэтимологизации слова и победе его начального варианта над формами косвенных падежей, то в случае с преобразованием в оглушенный вариант приставки *под-* перед звонким согласным да еще и с оглушением этого последнего фонематические причуды, вполне возможно, вызваны субстратным воздействием финно-угорских языков, не имевших противопоставления по звонкости / глухости.

Еще примеры, подтверждающие мену звонких / глухих в северо-русских говорах:

ПОТО/Г. Батог, палка. Арх: Мез. *Потог – то палка, на болоте нужна (Мез, Мезень).*

ПО/ТОГА. Жердь, подкладываемая под катки, на которых карбас выкатывают из моря на берег. Арх: С-Двин. *Катки на потоги кладут и по каткам идёт хорошо (С-Двин, Сюзьма).* Ср.: **ПО/ТОК.** Жердь, используемая при накате брёвен. Арх: Уст. *По потокам деревья вытхивают наверх, два потока положат и катят (Уст, Аничкин Починок).*

Необходимо подчеркнуть, что во всех случаях фонетическое варьирование связано с ослаблением или полным исчезновением мотивированности лексем.

Вариант *нажок* представляется следующим шагом деэтимологизации, произошедшим, очевидно, не без влияния литературного произношения.

Если вернуться к наблюдениям за метаморфозами приставки *под-*, можно увидеть ее семантическое «опустошение», как, например, в следующем примере, поскольку словообразовательное значение в всей полноте выражено приставкой *при-* и уменьшительным суффиксом:

ПОДПРИ/КОПЁНОК. Маленькая копна сена. Влг: Кир. *Беремя на беремя положишь, подприкопёнок будет (Кир, Чистый Дор). Нагрёбла десять копён да два подприкопёнка (Кир, Русаниха).*

Совершенно излишним оказывается использование приставки *под-* и в следующих случаях:

ПОДСВЯТНОЙ \diamond **ПОДСВЯТНОЙ УГОЛ.** То же, что **ПОДЫКО/ННЫЙ УГОЛ** Влг: Вож. *Угол, где иконы, под-*

святным зовут (Вож, Крутая).

ПОДСУ/ТОЧНЫЙ. ◊ **ПОДСУ/ТОЧНЫЙ УГОЛ.** Красный угол в доме. Влг: Ник. *Был подсутошной угол и подполатешной угол, где сутки и где полати (Ник, Большое Сверчково)* и т.п.

ПОДХОЛО/ДНАЯ. В знач. суц. Окрошка. Влг: Бел, Ва ш. *Ничего больше нет, дак давайте сделаем, ребята, подхолодную (Бел, Никиткино). У вас сичас салатом зовётся, а мы звали подхолодная (Ваи, Дерягино).*

Наконец, есть факты, когда приставка *под-* не только ничего не добавляет к семантике слова, но даже ей противоречит:

ПОДЗАКРЫ/ШКА. Крышка. Влг: Т ар н. *Веко приделано к корзине, подзакрышка такая (Тарн, Выползово).*

ПОДЧЁ/ЛОК. Головной убор невесты. Ар х: В - Т. *Са-рафан на невесту наденут, да повязку положат на голову, да подчёлк на повязку, он без верхушки был (В-Т, Ярунинская).* Ср.

ПОЧЁ/ЛОК. Головной убор невесты. Ар х: Вин, В - Т, У с т. *Почёлк оденут из бересты на невесту и платком накроют (Вин, Романиха). Наложат девке на голову поцёлк-от да и под венец поведут (В-Т, Хорнема). Высокий почёлк сделают, украсят (Вин, НижняяКица). На невесту почёлк наложат, как дуга кобыльа экой на голове (Уст, Ивашевская). Почёлк наложат с рожками такима, весь бисером ушит (В-Т, Клинья).*

ПОДЫ/ЗБИЦА. Чердак. Ар х: Вин, Кон, Лен; Влг: Чаг. *Это где-нибудь на чердаке, на подызбице, скажет, валяется (Лен, Яреньга). Под крышей до потолка – подызбица (Чаг, Герасимово). У нас говорят: я пошёл на подызбицу (Чаг, Чикусово) Лом какой снесёшь на подызбицу, свалишь, там сору, пыли всегда (Чаг, Мегрино). Подызбица раньше чердак назывался, не знаю, почему под, он ить, вроде, над (Лен, Дорофеевская). Под крышу забираешься, так там подызбица (Лен, Голяшово).*

В последнем случае очень интересны два последних речения информантов, в одном из которых носитель языка выражает недоумение несоответствием структурного мотиватора и семантики, во втором же производится своеобразная ремотивация лексемы.

Угасание лексической мотивированности даже в прозрачных с точки зрения внутренней формы словах можем наблюдать с

различных контекстах, созданных диалектоносителями, ср. высказывания информантов для слова *пелевня*, мотивированного лексемой *пелёва* ‘отходы при провеивании овса’:

ПЕЛЕ/ВНЯ. Сарай, в котором хранится корм для скота [в толковании нет проявления мотивировочного компонента значения]. Влг: Баб, Кад, Устюж. *Пелевня – это сараюшка, что пелёву-то туда носили и складывали (Баб, Волкова).* [Мотивировочное значение налицо, хотя использование прошедшего времени в высказывании весьма показательно]. *В пелевню и мякину, и всё ложат, а в амбар – только зерно (Кад, Ларионовская).* *Корм в пелевню убирают, сено, солому кладут туды, пелёву (Кад, Якишинская)* [Подчеркнуто неполное соответствие мотивационного значения и семантики слова в целом]. *В пелевню сено клали, большие и маленькие, всяки делали (Устюж, Никитино)* [Мотивационный компонент не проявлен].

Отсутствие мотивированности проявлено и в следующем примере: **ПЕЛЁ/ВНЯ.** То же, что **ПЕЛЕ/ВНЯ** (в 1 знач.). Влг: Чаг. *В пелёвню солому кладут (Чаг, Метелищи).*

Другая форма проявления демотивации связана с переходом в пассивный запас производящего слова. Например, в севернорусских говорах имеет место несколько лексем, называющих кусок полотна, используемый при отбеливании белья золой. Все они изначально мотивированы лексемой *пеле/л* в значении ‘зола’. Контексты информантов свидетельствуют о сохранении мотивированности в следующих случаях:

ПЕ/ПЕЛЬНИК. Арх: В-Т; Влг: В-Уст. *Пепельником* кадку с бельём накроют, *пеплу* насыпят, когда истопится печь, кипячёную воду в золу выливают (В-Т, В. Тойма).

ПЕПЕЛУ/ХА. Арх: В-Т. *Пепелуху* к бочке привяжут, *пеплу* насыпят и в воду опускают (В-Т, Ларионовская).

Однако в целом ряде случаев связь с *пепел* уже никак не проявлена, ср.:

ПЕПЕЛИ/ХА. То же, что **ПЕПЕЛУ/ХА.** Арх: Уст. *Бельё бучили, дак сверху пепелиху из портна клали, на неё соломы, золы – и бучат (Уст, Алферовская).* *Бук, туды кладут бельё, на него – пепелиху, а на неё золу сыпят (Уст, Дудино).* *Поверх пепелиху кладёшь, постилаха круглая такая, каменя на неё из печи (Уст, Кидюга).*

ПЕПЕЛЬНИК. То же, что **ПЕПЕЛУХА**. Влг: В - Уст. *Пепельник клали под золу, как бучили, постелют пепельник, золы наложат и бучат (В-Уст, Логиновская). Пепельник накладёшь на бук, на него золы насыплешь, он тканый, из холста (В-Уст, Пожарово).*

Утрата мотивационного значения может реализовать себя в специфическом развитии полисемии. Так, в следующем примере мы можем наблюдать постепенное указание мотивационного компонента в семантике:

ПЕННИК. 1. Вырубка. Арх: Вель; Влг: Вож, Кир, М-Реч, Хар. *Пенник-то там был, лес вырубили (Вель, Клоповская). Если лес вырублен, так один пенник, говорят (Вож, Бекетовская). Сейчас дак вырубкой называют, а раньше – пенник, лес здесь вырублен, одни пни остались (Кир, Погорелово). Мы на пенник за грибам ходили (Хар, Беляевская).*

2. Участок леса, расчищенный под пашню или покос. Арх: Кон; Влг: Ваш, В-Важ, Вож, Кир, Сямж, Тарн, Хар. *На пеннике косили: в лесу вырублено место, пеньки уберут и косят там (Кон, Вершинино). От кулигу вычистили, то и пенник (Сямж, Лукинская). Задерут новину, разрабатывают, так то пенник будёт (Тарн, Власьевская). Выкорчуют деревья на каком-нибудь месте, распашут – пенником зовут (Тарн, Палкинская). Пенников много, там косим, лес там вырублен (Хар, Мурыгинская).*

3. Сухое возвышенное место на болоте; покос на таком месте. Влг: Вож, Сямж. *Пенник, деука, то покос на высоком месте, бывает и в лесу; вон там пенник некошенный, надо докосить (Вож, Куклинская). Сухие места в болоте пенником зовут. Бугор такой пенником и зовут (Вож, Борисово). Пенник – место такое сухое, кустики там (Сямж, Житьёво).*

4. Заброшенный покос, заросший кустарником и молодыми деревьями. Влг: Вож, Сямж. *Раньше подсеки были, пни исчезли, а выросли другие кусты (Вож, Куришевская). Там, где покос был, шшас пенник – берёзы, ольхи выросли (Вож, Нефедовская).*

Как видно из иллюстрирующих контекстов, два первых значения слова хорошо сохраняют связь с мотивирующими лексемами *пень*, *пенёк*; даже если эта связь не проявлена в тексте на-

прямую, ее поддерживают лексемы той же тематической группы: *вырубить*, *выкорчевать*. В третьем значении мотивационный компонент отсутствует. Своеобразным реликтом выглядит контекст, иллюстрирующий четвертое значение: *гни исчезли, а выросли другие кусты* – такая мотивировка, конечно, может быть только попыткой ремотивации.

Ремотивация может проявляться чисто ситуативно. Так, в говорах активно фиксируется лексема *парничо/к* ‘паренек, мальчик’:

ПАРНИЧО/К. Паренек, мальчик. Арх: В-Т, Пин, Уст; Влг: В-Уст, М-Реч, Ник, Нюкс. *Мальчик – дак всегда «парничок» говорят, обыграно даже в журнале было (В-Т, Горка). Парниџбка-то в детдом свезли (Пин, Кеврола). Ой, какой грязнуля парничок (В-Уст, Марилово). Камаша у парничков, как у девушек (М-Реч, Гаврилово). Парничок милый ты мой, ангелок! (Ник, Захарово). Да и Вася, парничок последний после войны родился (Ник, Ремешки). Он маленький парничок (Нюкс, Ларинская).*

Однако в контексте – *Дочь гостила со своими парничками (В-Уст, Б. Слобода)*, – зафиксированном после разговора о том, что у дочери информантки сыновья-близнецы, слово *парнички* мотивационно сближается с лексемой *пара*, что влечет за собой появление значения ‘близнецы’ на черновой карточке.

Особенно интересными оказываются случаи, когда мотивированность теряет обозначение онтологически важной реалии. Именно так происходит с терминами родства, так сказать, второй ступени: *прадед, прабабка, правнучка, правнук*. Здесь, пожалуй, самым важным оказывается *прадед* – ведь апелляция традиционной культуры к предкам всегда актуальна. Между тем приставка *пра-*, образующая термин, в народном языковом сознании явно перестала восприниматься, что и влечет за собой ремотивационные процессы. Результатом одно из них становится лексема *переде/д*, ср.:

ПЕРЕДЕ/Д. Прадед. Арх: Уст. *Раньше деды, передеды это давали (Уст, Квазеньга).*

Замена непродуктивной приставки *пра-* может трактоваться по-разному: либо это **перед-дед* (ср. *предки, прежде*), либо *пере-* здесь употреблена в древнем значении ‘через’ (*«через-

дед»).

Переработки слова в целом более популярны, ср.:

ПРАВДЕ/ДКА. Прадед. Влг: Бабуш. *Правдедки ещё до нас были, я деда только знал (Бабуш, Тупаново). Это ведь ещё правдедки наши были (Бабуш, Коровинская).*

ПРА/ВДЕД. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Арх: Кон. *Правдед мой оттуда был, дедко мой, дак о матку-то – сын его (Кон, Чублак).*

ПРАВДЕ/Д. Прадед. Арх: Кон; Влг: Бел. *Ёйныйи-равдед и мой правдед-от были братовья (Кон, Чублак). Наши правдед с Пошехонья сюда баришиной пришёл (Бел, Калинино).*

ПРА/ВДЕДКИ. Прадеды; предки. Арх: Кон. *Так ещё-старинники называли; знаешь место – так и называешь, от правдедков всё (Кон, Мокеевская).*

ПРАВДЕ/ДКИ. То же, что **ПРА/ВДЕДКИ.** Влг: Бабуш.

ПРАВДЕДКО. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Арх: Карг.

ПРАВДЕ/ДУШКА. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Влг: У-Куб. *Правдедушко Калистрат был (У-Куб, Филинская).*

ПРАВДЕ/ДУШКО. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Арх: Вин; Влг: Влгд. *В прадедушку по родству фамилия (Влгд, Хоробрец). У нас правдедушко Андрей жил в Питере (Вин, Рочегда).*

Эпентеза *в*, возможно, обусловлена параллелями *прадед – правнук, правнучка*, что свидетельствует о немотивированном автоматизме восприятия слова. Интересна дальнейшая ремотивация: возникает сближение с корнем *прав(е)д-*, что не может не считаться отражением отношения к предкам в традиционной культуре, ср.:

ПРАВЕ/ДУШКО. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Арх: Котл. *Дедко ли, правдедушко ли – не помню (Котл, Печорино).*

ПРАВЕ/ДУШКИ. То же, что **ПРА/ВДЕДКИ.** Влг: К-Г. *Правдедушки вот так и звали, как мы зовём (К-Г, Огрызково).*

С мужского термина родства ремотивационное усилие переходит на женский:

ПРАВДАБКА. Прабабка. Арх: В-Т. *Моя правдабка еще при мне хлебы сама пекла (В-Т, Зайцево).*

ПРАВЕ/ДУШКА. То же, что **ПРАВДАБКА.** Влг: К-Г. *Я уж правдедушка: вон Иринка-то – внучкина (К-Г, Юшково).*

Очевидно, уже чисто механически ремотивирующий корень

проникает в обозначение младших родственников.

ПРА/ВЕДНИЦА. Правнучка. В лг: Хар. *Вверху-то уж будет не внучка, а праведница (Хар, Дитинская).*

ПРА/ВЕДОК. Правнук. В лг: Ник. *Двадцать внучонков да пятеро праведков (Ник, Гороховский).*

В целом можно говорить об объемности мотивационных процессов в говорах: здесь и системные взаимодействия, и влияние субстрата, и отражение специфики народной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Блинова О.И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 5-12.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.

Загоровская О.В. Лексическое значение диалектного слова. – Сыктывкар, 1989.

Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. – М., 1991.

Михайлова Л.П. Прибалтийско-финский компонент в русском слове // (Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. – Казань, 2004. С.148-149.

Мищенко О.В. К этимологии сев.-рус. *пилл* // Этимология: 2003-2005. – М., 2007. С. 142-152.

© Рут М.Э., 2016